

Кто, кроме сердца,
даст любви закон?..

С. Глинка

Часть первая

ДОРОГА СТРАДАНИЙ

Глава 1

ЦЕНА УЖИНА В СОСНОВОЙ РОЩЕ

• • • *М*инуло более месяца. На дворе стоял октябрь, и угрожающий призрак бесконечной русской зимы уже не таился за низкими серыми тучами, а сделался явью. Утренники были на редкость холодные; несколько раз выпадал снег, который уже и не таял, однообразным белым покрывалом сровняв и ухабы, и берега неширокой речонки; укрыл туши околевших лошадей, и замерзшие трупы, и проселочную дорогу, по которой медленно тянулась длинная колонна; и сторонний наблюдатель мог бы подумать, что сошел с ума или оказался на дороге в чистилище, ибо путники эти напоминали призраков всех времен, народов и сословий — призраков, воображимых лишь отягощенным тяжким бредом разумом. Рядом с шелковыми кокетливыми шубами, отороченными

дорогими русскими мехами (причем в шубы облачены были отнюдь не женщины, а мужчины), брели пехотные шинели или кавалерийские плащи. Головы путников были плотно укутаны и обмотаны платками всех цветов — оставалась лишь щелочка для глаз. Тут и там мелькало самое распространенное одеяние: шерстяная попона с отверстием посередине для головы, ниспадавшая складками к ногам. И как прежде по блестящему, щегольскому мундиру, так теперь — по этим попонам можно было отличить кавалеристов, ибо каждый из них, теряя лошадь, сохранял попону; эти лохмотья были изорваны, перепачканы, прожжены — одним словом, омерзительны. И все же тот, у кого попоны не было, не задумываясь отдал бы место в раю, лишь бы заполучить ее сейчас, на земле: теплая одежда стала едва ли не главным мерилом ценностей в том людском скопище, что еще недавно называлось великой и непобедимой французской армией. Теперь уже в этой армии не сохранилось ни достоинств, ни наград, ни чинов, ни званий. Невозможно было различить генералов и офицеров; как и солдаты, они надели на себя что под руку попадалось. Зачастую генерал был покрыт ветхим одеялом, а солдат — некогда дорогими, а теперь изрядно облезлыми мехами. Их всех — командиров и рядовых — перемолола Россия.

Вялое продвижение тех, кто составлял некогда гордость Франции, было внезапно нарушено взрывом, разметавшим по белому снегу кровавые клочья.

Толпа заметалась. Пешие кинулись врассыпную. Всадники во весь опор понеслись к близлежащей сосновой роще, надеясь там найти спасение от ядер и картечи, ибо это был не случайный взрыв, а беспощадный обстрел.

Молодой драгун, давно растерявший и остатки былого блеска, и все свои честолюбивые мечты, но сумевший сберечь коня, а вместе с ним — и надежду на спасение, сейчас изо всех сил пытался усмирить обезумевшее от страха животное. Гнедой плясал под ним, крутился как угорелый, норовя не вынести с опасного места, а, словно нарочно, затащить туда, где кучно ложились ядра. Едва справившись с конем, драгун дал ему шпоры, силясь разглядеть просветы в окружавшем его облаке дыма и снежной пыли, и вдруг почувствовал, как кто-то вцепился в его ногу мертвой хваткой.

Оливье де ла Фонтейн (так звали молодого драгуна) уже готов был освободить себя ударом сабли от этого опасного объятия, как вдруг увидел молодого человека, одетого в лохмотья, жалкие даже по сравнению с тем тряпьем, кое составляло теперь армейское обмундирование. Волочась на коленях за всадником и устремив на него свои горящие глаза, он восклицал: — Убейте меня, убейте меня, ради Бога!

В этом аду, где каждый молил хотя бы о самом ничтожном глотке жизни, такая просьба буквально вышибала из седла, а потому Оливье де ла Фонтейн спешился и, держа коня за удила (немало нашлось бы сейчас желающих перерезать узду и увести у него коня из самых рук), нагнулся к незнакомцу. Тот дышал и был полумертв. Даже у видавшего виды Оливье подкатила к горлу тошнота, когда он увидел бок несчастного, взрезанный, будто острой косой, осколком ядра до самого позвоночника... Позвоночник тоже был искалечен, и даже если свершилось бы чудо, исцелившее разорванные внутренности, этот человек больше никогда не смог бы ходить. Уже сейчас его страдания представлялись невообразимыми. Да, смерть настигнет его, несомненно, однако предстоящие ему мучения будут ужасны!

Оливье де ла Фонтейн проклял себя за то, что поддался мгновенному порыву жалости. Внутренне содрогаясь при мысли о том, что ждало этого беднягу, он вновь вскочил на коня, лихо, с напускной отчужденностью, пробормотав:

— Я не могу помочь вам, мой храбрый товарищ, и не могу больше оставаться здесь! Простите меня.

— Но вы можете убить меня! — исторг из себя раненый не то крик, не то шепот. — Единственная милость, которой я прошу от вас! Ради Бога, ради вашей матери! Ради... моей матери!

Он сделал слабое движение головой, и Оливье только сейчас увидел двух женщин, стоявших на коленях в снегу и с мольбой простиравших руки к нему, будто к последней надежде. Точнее говоря, простирала руки одна — немолодая, схожая с умирающим тем сходством, какое бывает только у матери и сына. Ее глаза, столь же яркие, столь же выразительные, были наполнены слезами, которые неостановимо скатывались на увядшие щеки. Ее руки, протянутые к Оливье, дрожали, а губы безостановочно твердили одно:

— О сударь! Сударь...

Вторая женщина сидела в снегу, понурясь, однако не плакала, словно окаменела от скорби. Из-под ее капора выбивались золотисто-рыжие пряди, и Оливье невольно подобрался в седле, когда по нему скользнули самые прекрасные синие глаза, какие ему только доводилось видеть. Впрочем, молодая женщина едва ли заметила Оливье — она устремила безучастный взор куда-то вдаль, туда, где корчился придавленный деревом солдат, испускавший душераздирающие вопли. Но лицо ее по-прежнему оставалось безучастным, как если бы в мире не осталось ничего более, что могло бы ее взволновать или напугать.

Мысленно попросив прощения у Бога, Оливье выхватил один из своих пистолетов (он всегда держал оружие заряженным, ибо казаки Платова¹ не имели обыкновения предупреждать о своем появлении заранее) и рукоятку вперед подал его несчастному.

Немолодая женщина дико вскрикнула:

— Фабьен! О Фабьен!..

Больше она ничего не успела сказать, ибо черные глаза юноши сверкнули дикой радостью, и он пустил себе пулю в висок с проворством поистине замечательным у человека штатского, каким он, несомненно, являлся, судя по одежде и повадкам.

В это мгновение ядро ударило в землю совсем рядом, и конь Оливье, сделав безумный прыжок, унес своего хозяина на изрядное расстояние от страшного места.

Оливье не хотел оборачиваться, но все-таки обернулся.

Несчастный лежал навзничь, тут же простерлась его мать. Оба были присыпаны снегом и вывороченной землей, как будто похоронены рядом. А молодая женщина все так же сидела в сугробе, безучастно глядя вдаль, в этот заснеженный российский простор, в котором теряется все: и города, и люди, и русские, и французы, и смерть, и жизнь...

«Как поется в песне, все со временем проходит!» — успел еще подумать Оливье де ла Фонтейн, и всеер нового взрыва милосердно закрыл от него эту картину.

---

¹ Граф Матвей Иванович Платов — атаман Донского казачьего войска, генерал от кавалерии, герой Отечественной войны 1812 года. Здесь и далее примечания автора.

* * *

Маман отчаянно рыдала, уткнувшись в мертвое тело, а Анжель по-прежнему смотрела вдаль. Боже мой, вот и нет Фабьена... а как же его любовь, которая, как он клялся, будет жить вечно? Ах, и она умерла давно, давно: замерзла где-нибудь под копной, где они ночевали, или в крестьянской курной избе, или в сарае. Анжель не любила мужа, и сейчас вместо скорби она чувствовала облегчение, как будто судьба сняла с нее ношу, которая была ей не по плечу. Умом она понимала, что вечно должна быть благодарна мужу и его маман, спасшим ее от толпы разъяренных русских; и вообще Фабьен был хороший, добрый человек, но Анжель понимала, что для любви-власти он оказался слаб, что эта любовь уничтожила в нем все доброе и светлое, превратила его в тирана, всякое движение, всякое действие которого было направлено к одному: утвердить над Анжель свою волю — словами, постелью, даже побоями. Фабьен не выносил, когда она вдруг погружалась в свою отрешенную задумчивость, и, если надо было отхлестать жену по щекам, чтобы привести ее в себя, он пускал в ход руки без раздумий — с молчаливого благословения маман, чьи черные глаза сияли еще ярче, когда она видела страдания Анжель.

Но почему, за что? Иногда Анжель думала, что, наверное, чем-то крепко досадила этим двоим — иначе с чего бы им так сладострастно мстить ей? Может быть, она долго мучила Фабьена отказами, прежде чем согласилась выйти за него, или противоречила свекрови, или, сохрани Бог, изменяла мужу? Она иногда, не выдержав издевок и побоев, спрашивала в слезах:

— Почему? Почему?

Но Фабьен не отвечал, хотя мог бы сказать что угодно — Анжель все приняла бы на веру: ведь все ее

знания о прошлом исчерпывались рассказами Фабьена и его маман. Сама она помнила себя лишь месяц... ну, от силы полтора поскольку все, происходившее с ней от рождения до того дня, как она обнаружила себя устало бредущей в глухой степи под туманным октябрьским небосклоном, кануло в некую черную бездну. Анжель иногда казалось, что она и живет-то на земле всего-то несколько недель, а не двадцать один год, как уверяли муж и его маман.

Судя по рассказам обоих д'Армонти, они были французы, некогда нашедшие в России приют от ужасов революции¹, но не утратившие связи с родиной и всегда мечтавшие вернуться туда. Однако злые, жестокие русские чинили им в том всяческие препятствия и однажды даже похитили Анжель, изнасиловав ее. После этого она и лишилась памяти. Их жизнь подвергалась опасности, поэтому они ночью, под покровом темноты, бежали в чем были из города, где жили (один раз Анжель сказали его название, да разве возможно было запомнить этот варварский набор звуков?!), и долго скитались, пока не добрались до французской армии, расквартированной в русской столице. Однако бог войны оказался к ним немилостив: Москва сгорела, удача перешла на сторону врага, армия-победительница спешно отступала, вернее, бежала... и графиня д'Армонти с сыном и снохою пополнили ряды французских беженцев, рискнувших погрузиться в бесконечные российские просторы, чтобы отыскать путь во Францию — или умереть.

Сначала для Анжель это было дико: полная тьма позади, непроницаемая мгла впереди, а настоящее страшно и неопределенно. Она плакала, металась,

---

¹ Имеется в виду Великая французская революция 1789—1799 гг.

пытаясь обрести себя, пытаюсь понять, почему так холодно и одиноко сердцу возле двух этих самых близких для нее людей, но на этот вопрос они ответить не могли, хотя на всякий другой ответ был готов без задержки.

— Почему я так плохо говорю на родном языке, что поначалу попутчики даже с трудом меня понимали? — удивлялась Анжель, и ей поясняли, что родители Анжель, причинившие множество бед графине д'Армонти, давно умерли (это был ответ на второй ее вопрос: неужели она была одна на всем свете, пока не вышла за Фабьена?), а ее взяла на воспитание русская семья; люди невежественные, не заботившиеся о воспитании Анжель, они были рады сбыть ее, бесприданницу, с рук, когда к ней посватался Фабьен.

— Почему именно я сделалась жертвою неистовой злобы русских? — недоумевала Анжель, и маман, брезгливо поджимая губы, уведомяла, что Анжель еще в девичестве весьма несдержанно вела себя с неким русским вертопрахом, существом настолько диким и необузданным, что даже собственная мать выгнала его из дому. И вот этот разбойник соблазнил Анжель, а потом отказался жениться, возомнив, что она и без того всегда будет с радостью удовлетворять его самые низменные потребности. После того как великий Наполеон (при звуке этого имени на глаза маман набегали слезы восторга) покорила Россию, развратник отправился в армию, а воротясь, нашел Анжель замужем — и поклялся осквернить ее и отомстить всему семейству д'Армонти, что ему вполне удалось сделать!

— Смог ли Фабьен отомстить негодяю, поругавшему честь своей жены? — гневно воскликнула тогда Анжель, но тут же поняла, что вот этот-то вопрос задавать не следовало, так помрачнело лицо Фабьена, так

разъярилась маман, таким количеством упреков осыпала она Анжель.

Выходило, что она еще не расплатилась перед свекровью за обиды родительские, что она всю жизнь своей до смерти должна выказывать благодарность мужу, который женился на ней, согрешившей; она навлекла на них на всех неисчислимые бедствия — и за такую-то неблагодарную девку Фабьен еще должен был и мстить, подвергая свою жизнь опасности?

А тот чудовищный русский... он иногда мелькал в сновидениях Анжель: широкие плечи, стремительная походка, растрепанные светло-русые волосы. Но она так и не видела его лица, и только иногда проблескивала улыбка и сияли серые глаза... ласковые, ох, какие ласковые глаза!

Возможно, он был не таким уж чудовищным?.. Но зачем бы Фабьен и маман стали лгать Анжель? Она должна верить им! А снам верить нельзя. Вот ведь иногда мучает Анжель кошмарное видение: человек с отрубленной головой (вместо нее фонтаном кровь бьет из шеи) делает три деревянных шага — и выходит из глубокой тьмы на яркий, слепяще-яркий лунный свет, и воздевает руки, словно зовет кого-то на помощь, и рушится наземь — так тяжело, что в ушах Анжель гудит еще долго после того, как она просыпается от своего крика...

Но это было давно, еще в самом начале пути. Тогда Анжель боялась мертвых, да и не так уж много их валялось при дорогах; ну а потом, по мере того как свирепела зима и смелели русские казаки, их становилось все больше, и Анжель привыкла к торчащим из сугробов оледенелым конечностям. Путь становился все тяжелее, все холоднее, ночи напролет они пытались согреться, вся жизнь сделалась сплошным неизбежным кошмаром, и явь превосходила ужасом любой самый

страшный сон! Тот обезглавленный больше не возник в ее сновидениях. Анжель привыкла видеть кровь, раненых и умирающих; сердце ее застыло; замерзшая, оголодавшая плоть устала страдать; жизнь едва теплилась в ней... потому она и смотрела неподвижными глазами в заснеженную даль, словно и не слышала за грохотом пушечных выстрелов того одиночного пистолетного, прервавшего жизнь графа Фабьена д'Армонти и сделавшего ее вдовой.

* * *

Графиня наконец подняла косматую голову и, тяжело поднявшись, побрела вперед, даже не глянув на мертвого сына. Анжель с изумлением уставилась на нее, но сама помедлила лишь столько, сколько времени ей потребовалось, чтобы прикрыть тело Фабьена тремя траурно-зелеными сосновыми лапами, усеянными мелкими розовыми шишечками, а потом, увязая в сугробах и едва выбираясь из них, пустилась догонять маман, недоумевая, куда это она вдруг заспешила. Впрочем, алое закатное солнце уже почти сползло в синие мглистые тучи, так что самая пора была подумать о ночлеге.

Хотелось есть. Ах, как ей хотелось есть! Голодный озноб непрерывно сотрясал ее тело, и она дивилась графине, которая даже из своей скудной доли половину отдавала Фабьену. Анжель завидовала ему — не только из-за лишней ложки несоленой каши, ломтя мерзлого хлеба, куска плохо вываренной конины, а из-за той истинной, нескрываемой, всепоглощающей любви, которой мать любила своего сына.

Ее-то, Анжель, так никто не любил... во всяком случае, во времена, доступные ее воспоминаниям. Сама графиня страшно похудела, кожа на ее иссохшем,

изможденном лице обвисла, но она не спускала своих огромных, сверкающих глаз с сына, и выражение всепоглощающей преданности, светившееся в них, заставляло забыть о необратимых разрушениях, которые страдания причинили этому некогда красивому лицу. Что же сделалось с нею от страшного потрясения, если, даже не закрыв мертвому сыну глаза, она ринулась на запах дыма — костра, еды?!

Да еще и неизвестно, пустят ли ее к огню. Все-таки Фабьен чего-то стоил, если мог сносно устраивать на ночлег обеих своих женщин и раздобывать им какой-никакой кусок у мародеров...

Кстати сказать, те, кого в обычных условиях все жестоко презирали бы, снабжали колонну продовольствием и, по сути дела, спасали остатки армии. Несмотря на усталость и опасности, которым подвергались люди, сворачивая с дороги, голод все же толкал немногих отчаявшихся нападать на деревни, лежащие в восьми-десяти верстах от дороги и еще не разграбленные, не сожженные при наступлении к Москве. Иные бывали схвачены отрядами казаков или партизан из крестьян и находили немедленную смерть; иные все же ухитрялись вернуться с лошадьми, отобранными у жителей и нагруженными свининой и ржаной мукой, перемешанной с отрубями; все это они продавали за большие деньги, а на следующий день опять отправлялись за добычей.

Чем ближе они подходили к костру, тем резче становился запах жареной конины. Восхитительный запах! Анжель скрутило приступом голодной тошноты, и она едва не зарыдала, когда здоровенный кавалерист лениво поднялся и так шуганул от костра графиню д'Армонти, словно это была не измученная женщина, а приبلудная собачонка. Графиня проворно, боком, отскочила, остановилась, чуть склонив голову, и Ан-

жель почудилось, что она и впрямь сейчас зальется визгливым лаем. Но маман проглотила обиду молча и побрела к другому костру; Анжель, еле передвигая ноги, потащилась за графиней, однако той пришлось восвояси убраться от второго, третьего, четвертого костра...

Ну что ж, бывало и такое. Теперь следовало только подождать, когда у маман кончится терпение и она решится залезть за пазуху, где был пришит объемистый кошель с золотыми монетами и драгоценностями: этот немалый запас, который маман расходовала крайне бережно, ибо не хотела явиться во Францию нищенкой, и позволил им до сих пор не умереть с голоду.

Вот графиня приблизилась к новому костру. Анжель не могла разглядеть, заплатила она за место у огня или ей просто попались более милосердные люди, но она видела, как один из сидевших у огня взял горящую ветку и близко поднес к лицу графини. Маман замахала руками, словно отменяя какие-то подозрения, а потом повернулась в сторону Анжель, и та даже сквозь тьму, даже на расстоянии почувствовала на себе внимательные взгляды сидевших у костра мужчин.

— Иди сюда, Анжель! — неприветливо крикнула графиня. — Да побыстрее, если хочешь, чтобы нам достался хоть кусочек!

При упоминании о еде ноги Анжель сами собой понесли ее к костру. Стоило подойти, как очень высокий, плотный мужчина приблизил к ее лицу факел, но Анжель даже не почувствовала опаляющего дыхания огня, ибо во все глаза смотрела в котелок, где булькало и пузырилось густое белое варево. Это была мука, без соли и жира, просто сваренная в воде. Эту размазню ели горячеей, когда не удавалось раздобыть хлеба, да и просто чтобы согреться. Вкус ее не назвал бы приятным даже умирающий с голоду (а здесь все

были такими!), и все же Анжель сейчас не отказалась бы от нескольких ложек мучной похлебки.

Ее усадили поближе к огню, сунули в руки ложку и дали еще кусочек снаружи обгорелого, а внутри полусырого мяса. Анжель с ожесточением жевала его — вернее, терзала зубами — и в конце концов почувствовала себя почти сытой.

Мужчины еще ели, и только графиня о чем-то переговаривалась с тем высоким, плотным человеком, который освещал их факелом. Маман на чем-то настаивала, а он пожимал плечами, покачивал головой, и Анжель сквозь свое полусонное, полусытое оцепенение улавливала обрывки фраз.

— Это непомерная цена! — горячилась графиня. — Ужин-то был не ахти какой!

— То-то вас, мадам, невозможно было за уши от него оттащить! — усмехнулся мужчина.

От звука его голоса дрожь неизъяснимого ужаса пробежала по спине Анжель. Голос был груб, неприятен, но сейчас не хотелось думать о неприятном, поэтому она уставилась в костер, куда только что подбросили охапку сосновых веток — и костер принялся весело стрелять по сторонам жаркими искрами, трепетать языками пламени. Игра огня гипнотизировала Анжель, дурманила ее; глаза сами собой закрывались. Вот мелькнули перед нею чьи-то ласковые серые глаза — Анжель улыбнулась, вот проплыло в клубах тумана мертвое, присыпанное снегом лицо Фабьена — Анжель затрепетала, застонала во сне...

— По рукам! — вдруг громко произнес мужчина, и Анжель испуганно вскинулась. — Ты будешь получать еду каждый день, если сумеешь меня найти!

И, гробовым смехом заглушив возражения графини, он вскочил и ринулся куда-то в сторону, волоча за собою Анжель.

Ужас от того, что предстояло уйти от этого живого огня, был настолько силен, что Анжель начала упираться — слабо, но достаточно ощутимо, чтобы мужчина повернулся и глянул на нее.

Его недобрая улыбка заставила ее затрепетать, она отшатнулась от придвинувшегося к ней чумазого лица, черты которого показались ей ужасными, а взгляд маленьких темных глаз — злобен, как у зверя.

Анжель отпрянула, решив, что он сейчас ударит ее, но мужчина усмехнулся:

— А ведь ты права, клянусь ключами святого Петра! Почему нам нужно уходить с этого тепленького местечка? В конце концов, это я развел огонь — значит, и костер мой!

И он с грозным видом повернулся к трем своим сотоварищам, с откровенной завистью глядевшим на Анжель.

— Ну? Чего уставились? Зря глядите, вам ничего не перепадет.

— Ну вот, я так и знал! Московский купец! — простонал один из них и едва успел в испуге отпрянуть, когда огромный кулак придвинулся к его лицу.

— Только посмей еще раз назвать меня так, *merde*!¹

— Это несправедливо, Лелуп! Все-таки мы все хотим того же! — обиженно воскликнул другой солдат, не сводя с Анжель жадного взгляда.

— Что? Ты еще не забыл слов *égalité, fraternité, liberté*², под которые так и летели наземь головы аристократов? — хохотнул Лелуп³.

«Волк! Его имя — волк!» — содрогнулась Анжель.

---

¹ Дерьмо (*франц.*).

² Равенство, братство, свобода (*франц.*) — лозунги Великой французской революции.

³ Волк (*франц.*).

— Но мы ведь не на баррикадах сейчас, — продолжал Лелуп. — Убирайтесь от костра, живо. Разведите свой. А чтобы высечь искру, возьмите с собою эту старуху. — Он с усмешкой глянул в сторону графини.

Черные глаза свекрови сверкнули так яростно, что Анжель на миг почувствовала себя отмищенной. В то же мгновение обрадованные солдаты схватили графиню за руки и за ноги и утащили куда-то в темноту.

Между тем Лелуп развязал свой тюк и бросил на сосновые ветки два или три плаща, попоны, одеяла, а потом схватил Анжель и швырнул на это ложе с такой бесцеремонностью, словно она тоже была подстилкой — всего лишь еще одной подстилкой, нужной только для того, чтобы мягче спалось.

В следующее мгновение мужчина рухнул на Анжель, задрал ей юбки. Ощувив его близость, ошеломленная Анжель выкрикнула имя — она не знала, чье это имя, но в нем странным образом воплотилось все самое ужасное и постыдное в ее жизни... в той, прошлой, забытой жизни.

— Моршан! — закричала она.

И тотчас поперхнулась криком, ибо тяжелая рука легла ей на горло.

— Забудь о нем. Скажи: Лелуп... ну!

Рука надавила сильнее, и Анжель, задыхаясь, прохрипела:

— Ле-лу-уп...

— Вот так, — удовлетворенно выдохнул он.

Анжель захлебнулась криком, слезы лились неостановимо... На ее счастье, изголодавшийся по женщине Лелуп насытился удивительно быстро. Он скатился с Анжель, продолжая, однако, крепко держать ее.

— Только посмей шевельнуться, — услышала она, уже засыпая. — Твоя мать продала мне тебя за сего-

дняшний ужин. Ничего, держись за меня — может быть, останешься жива!

И захрапел, не ослабляя своей железной хватки.

Анжель с безмолвной мольбой глядела в мутное беззвездное небо, силясь понять одно, всегдашне-непостижимое: почему графиня так ненавидит ее, что сразу после смерти сына швырнула этому грубому, отвратительному человеку? Да разве можно такое терпеть? Куда же смотрел в это время Бог, что попустил, не остановил?..

Все было ужасно... но хуже всего казалось Анжель постепенно овладевшее ею трезвое, холодное понимание: придется привыкнуть и к этому, как привыкаешь ко всему на свете.

Глава 2

РУССКИЕ АМАЗОНКИ

Однако Анжель ошибалась. Через день она знала, что возненавидела Лелупа. Еще через день она продала бы дьяволу душу, лишь бы избавиться от него. На третий день она готова была умереть.

Конечно, если судить по логике войны — вернее, отступления, бегства, спасения жизни, — если следовать этой нечеловеческой, противоестественной логике, то Анжель следовало бы благодарить судьбу и свою бывшую свекровь, ибо теперь она была сыта каждый день, а каждую ночь проводила у жаркого костра. И все-таки в те бесконечные, омерзительно долгие минуты, пока Лелуп безжалостно, грубо, бездушно овладевал ею, она с трудом сдерживала позывы рвоты и молила Бога послать ей смерть.

Нрав, поступки, лицо, фигура, голос — все в нем было гнусно и отвратительно.

Более того: отвратителен был Лелуп и своим сотоварищам, даже тем, с кем вместе отправлялся мародерствовать или обирал трупы замерзших солдат. Везде его встречали презрительной кличкой «московский купец», потому что он увел с собой из Москвы маленький фургончик, куда успел запасти галет, мешок муки, более трехсот бутылок вина, рома и водки, десять фунтов чаю и столько же кофе, под сто фунтов сахара и шоколаду, большой запас свечей... Весь этот запас должен был в продолжение нескольких месяцев питать тело Лелупа, а также давать ему возможность успешно торговать.

Кроме всего, он раздобыл себе множество русских мехов, да вот незадача — через несколько дней отступления русский снаряд уничтожил «склад» Лелупа, и теперь весь его припас умещался в двух вьючных мешках; однако в условиях отступления и это было настоящее сокровище, позволявшее ему диктовать свои законы на привалах и даже время от времени покупать себе женщин — за кусок хлеба, за возможность просто согреться у костра. Анжель случайно узнала, что была четвертой в этом походном гареме, однако все ее предшественницы умерли, не снеся то ли тягот пути, то ли грубости Лелупа, то ли его неизбывной ненависти ко всему миру, сквозившей в каждом его движении, слове, поступке. Анжель чувствовала, что вся гнусность природы Лелупа ею еще не познана, что самое страшное еще впереди... Так оно и произошло.

* * *

День с утра до полудня был ясный и даже теплый, однако истинный лик русской зимы проглядывался временами из-за набегавших туч, и достаточно было одного сильного порыва ветра, чтобы он явил себя.

Внезапно разыгрался буран. Вихри снежные метались по нивам и лугам, качая вершины деревьев, да так, что столетние великаны стонали человеческими голосами, а их ветки с треском обламывались и опадали в снег. Анжель не могла вспомнить такого волнения природы! Крутясь и бушуя, метель охватывала леса и дубравы, оглашая их гулом грозным и страшным, в котором слышалось победительное торжество.

Многие сходили с дороги (вскоре отыскать ее сделалось невозможно!), ложились прямо в сугробы, наметенные под деревьями, закутавшись с головою в плащи и шубы, надеясь переждать русский буран, как некогда переживали аравийские песчаные бури, оказавшись в Египте под предводительством Наполеона. Таким уже не суждено было подняться! Самые упрямые и сильные брели по сугробам, сисясь разглядеть за жгучей снеговой завесой хоть подобие человеческого жилья. И вершиною счастья было бы сейчас увидеть блокауз.

Так как при победоносном наполеоновском марше на всем протяжении от Вильны до Москвы не было пощажено ни одного города, ни села, ни лачужки, то для обеспечения тыла и сообщения армии через каждые двадцать-тридцать верст были устроены этапы: на квадратной площади, огороженной рвом и забором, возводились бараки, то есть блокаузы. Такой-то блокауз и высматривал сейчас с надеждою всякий глаз, но увы — в снежной круговерти ничего не разглядеть.

Бредущая среди небольшой (человек пять) группки сотоварищей и прихлебателей Лелупа, Анжель все чаще чувствовала под ногами не утоптаный твердый зимник, а мягкие, рыхлые сугробы. Понимала, что они сбились с дороги, да и другие не могли не замечать этого, однако все послушно брели за Лелупом,

который, ведя в поводу навьюченного коня, все круче забирал вправо, в дремучую чащобу, в бурелом, словно вознамерился непременно переломать ноги и себе, и всем своим спутникам... и вдруг, словно по волшебству, из метели выступили темные бревенчатые стены, иссеченные снегом, и все наконец увидели то, что давно уже увидели звериные глаза Лелупа, а может быть, почуял его звериный нюх: убежище!

Однако это был не блокгауз. Убежище оказалось русской церквушкой, каких немало пожгли эти люди — ну а если не пожгли огнем, то беспощадно осквернили.

Впрочем, какое все это имело значение для скитальцев, которым сейчас нужно было только одно — укрыться от непогоды?

— Allons, enfants de la patrie!¹ — с издевкой в голосе пропел Лелуп и первым вошел в широкие двери, створки которых едва висели на одной петле.

Страх, усталости, печали — как не бывало! Все с наслаждением отряхивали с одежды снег, раскладывали для просушки вещи и уже тащили для растопки доски с намалеванными на них ликами русских святых.

Анжель нервно перебирала пальцами шаль. Она знала, что эти доски называются иконы, что русские поклоняются им, и испытывала какое-то странное, тревожное сердцебиение, когда смотрела на них. Она знала: эти диковинные доски нельзя жечь! Русскому Богу, который еще властен в этих стенах, это вряд ли придется по сердцу!

Впрочем, Богу тут уже не оставалось места. Следы на полу и на стенах, общая картина человеческой

---

¹ Первая строчка «Марсельезы», гимна французской революции: «Вперед, сыны Отчизны!» (франц.)

мерзопакостности ясно указывала, что здесь ставили лошадей, забивали птицу и скотину, извергали нечистоты... Казалось, нельзя найти не загаженного уголка, и Анжель с тоской в глазах бродила по церквушке, ощущая страшную тяжесть на сердце и мысленно прося у кого-то прощения.

Вдруг на закопченной стене, словно дружеский взор, мелькнуло светлое пятно. Анжель приблизилась и увидела косо прибитую иконку с изображением молодой женщины в серебристо-белом одеянии с младенцем на руках. Темные очи женщины были печальны, глаза ребенка не по-детски мудры и суровы, и Анжель вдруг безотчетно подалась вперед, прижалась губами к ручке младенца и, только отстранившись и осенив себя троекратным крестом, удивилась своему поступку. Вдобавок крестилась она справа налево, а пальцы ее руки были сложены щепотью, но отнюдь не в два перста, как крестились французы. Верно, это память о русском воспитании, подумала Анжель и, поклонившись иконе, опасливо оглянулась и неприметно прикрыла ее грязным лоскутом, валявшимся на полу. Ей хотелось сейчас во что бы то ни стало спасти от огня светлый лик русской Богоматери. Страстно хотелось взять ее с собою, но Анжель не решилась: тогда бы она уподобилась этим скотам, с которыми вынуждена идти... Нет, Бог даст, останется икона не замеченной никем и будет здесь висеть в покое и тишине до лучших времен!

Чтобы не привлекать внимания к этому месту, Анжель прошла вперед вдоль стены. Какой-то узор был вырезан прямо на дереве. Анжель не вдруг распознала, что это буквы, и с изумившей ее саму легкостью вдруг прочла: «Приидите ко мне... и аз успокою вы...» Да, верно, это тоже гудит забытая память, если сло-

ва чужого языка понятны Анжель, но эти слова понял бы сердцем кто угодно, человек любой нации! Анжель простерла руки к надписи, будто к огню в стужу, умоляя неведомого Всевышнего, коему поклоняются русские, простить ее за все, что содеяно на этой земле, в этой стране, в храме сем...

— Mon Dieu, — прошептала она и добавила непослушными губами: — Гос-по-ди!..

Короткий вздох прервал ее мольбу. Казалось, кто-то перевел дыхание, и Анжель, встрепенувшись, успела увидеть, как темная фигура проворно отпрянула в тень, слилась со стеной, сделалась неразличимой, однако и из тьмы достигал лица Анжель жгучий взор незнакомца. Она не сдержала короткого вскрика, но тут же, спохватившись, зажала рот ладонью. Поздно — Лелуп уже оказался рядом.

Он видел в темноте, подобно дикому зверю, и ринулся вперед, в непроницаемую тьму. Послышались звуки потасовки, набежали на шум другие французы, и Лелуп вскоре появился в свете костра, утирая окровавленные губы и чудовищно ругаясь, а за ним его со товарищи волокли какую-то высокую фигуру в черной рясе. От нее остались сплошные лохмотья, сквозь которые проглядывало поджарое, мускулистое тело. Однако, не замечая своей полунаготы, монах старательно прикрывал капюшоном лицо.

— А ну, чего прячешься? Покажи-ка свою рожу! — рявкнул Лелуп, однако Туше схватил его за руку:

— Черт с ним! Может, у него обет скрывать лицо? Помните, в Испании мы сожгли монастырь, в котором все монахи дали обет молчания на всю жизнь? Даже друг с другом не разговаривали, объяснялись знаками. Ну уж и орали они, когда горела их обитель!

— Ты предлагаешь его сжечь? — усмехнулся Лелуп, и Анжель передернуло.

— Нет, — вкрадчиво протянул Туше. — Я предлагаю взглянуть на его крест. Я знал в Москве двух-трех русских толстобрюхих священников, у которых кресты были украшены очень и очень недурными камешками.

— Видать, религия — твой конек. Надо полагать, ты не замедлил забрать эти кресты? — Лелуп проворно обшарил рваную рясу, но не нашел ничего, кроме простенького, потемневшего от времени серебряного крестика, который отшвырнул с величайшим презрением, но Анжель успела заметить, что монах торопливо прижал крест к губам, прежде чем снова надеть на себя.

— Осечка! — хмыкнул Лелуп. — Ну-ка, Туше, напряги мозги, что ты еще знаешь о монахах?

Туше всей пятерней поскреб грязную, засаленную голову.

— Ну что тебе сказать? — произнес он раздумчиво. — Помнится, одному священнику мы спалили слишком густую бороду, чтобы лучше расслышать, где он прятал церковные сокровища.

Глаза Лелупа сверкнули.

— А вот мне кажется, что этому придурку мешает говорить капюшон на его башке. Что, если снять с него рясу, но, чтобы рук не пачкать, зажечь эту дерюгу?

Анжель тихо ахнула, и быстрый, как молния, взгляд из-под капюшона пронзил ее. Сердце забилося в горле, да так, что она с трудом могла дышать, с трудом разомкнула губы, чтобы вымолвить:

— У-мо-ляю вас...

Сабля вывалилась из рук Лелупа, и он обернулся к Анжель с выражением величайшего изумления на своем заросшем кабаньем лице.

— Что я слышу?! Ты наконец-то разинула рот, девка?

— Да брось ты, Лелуп! — захохотал Туше, и к нему присоединились остальные французы. — Не далее вчерашнего вечера я слышал, как твоя мадемуазель орала во всю мочь, — вот только не понял, от радости или от страха.

— А мне что за дело ее радость? Быть с ней — все равно что в сугробе лежать, так эта сучка холодна. Ну, конечно, я помял ей бока, чтобы хоть ноги раздвинула пошире!

Анжель на мгновение зажмурилась. Почему-то ей было невыносимо стыдно перед монахом. Его взгляд жег ее как огонь, хотя она даже не могла увидеть его лица.

А в глазах Туше блеснула робкая надежда.

— Если она тебе уже надоела, я бы не прочь попробовать свои силы... авось у нее будет что вспомнить!

— Да и на меня дамы никогда не обижались, — подал голос Толстый Жан, а ему вторили еще трое.

Анжель поднесла руку ко лбу, сияясь вспомнить что-то. А ведь нечто подобное уже случалось с ней... неприкрытая похоть в глазах мужчин, насмешки — и полная безысходность, полная беспомощность!

Голос Лелупа вернул ее к действительности.

— Ты, кажется, упоминал о крестах с красивыми камушками? — спросил он с самым безразличным видом.

Однако Туше не обмануло это напускное равнодушие.

— Ну ты хватил, Лелуп! Не высока ли цена за девушку? Мне ведь она нужна только на разочек!

— Покажи крест! — не терпящим возражений тоном сказал Лелуп, и Туше, мученически закатив глаза, принялся шарить под одеждой, с трудом продираясь сквозь надетые на него женские шубы и салопы.

Наконец что-то блеснуло в его грязной руке, и этот блеск словно высек искру в прищуренных глазах Лелупа.

— Ты отдашь мне крест, — изрек он таким голо-сом, что бедный Туше поперхнулся. — Но девку возь-мешь не один раз, а... сколько тут камешков, пять? Ну вот, пять раз. Ладно уж, шестой — за сам крест.

— Но крест-то с капелькой наверху! — начал тор-говаться заметно повеселевший Туше. — Семь раз.

— Черт с тобой, — отмахнулся Лелуп. — От нее не убудет. И еще вот что, Туше. Если тебе удастся рас-топить этот сугроб, то получишь награду: восьмой раз!

— Думаю, что заработаю и девятый, — с самодо-вольным видом изрек Туше, но тут вмешался Толстый Жан:

— Как хочешь, но это не по-товарищески, Лелуп! Если бы мы знали, что ты просто хочешь заработать на своей девке, то смогли бы кое-что предложить. Я ведь ушел из Москвы не с пустыми руками... да и другие тоже!

— Разумеется! — поддержали его остальные. — Мы заплатим тебе, Лелуп!

— Теперь для меня ты и свободного вечерка не отыщешь? — Лелуп грубо облапил Анжель. — Между этой толпой и не втиснешься! Впрочем, я еще посмо-трю, что вы там предложите. А ну, выворачивайте кар-маны!

И тотчас же воспламенились французские натуры, способные возбудиться от малейшего намека на блуд. Мужчины, одетые подобно Туше, принялись торопли-во рыться в своих шубах-салопах, а Туше по-хозяйски схватил Анжель за руку и потянул к себе.

— Зачем ждать вечера? Пойдем-ка, моя прелесть. Тебе кто-нибудь говорил, какие у тебя чудные глазки? Они давно зажгли огонь в моем сердце. А твои губки...

о, как давно я мечтал их поцеловать! Крошка моя, да после этого поцелуя ты забудешь обо всем на свете.

— Крошка?! — захохотал Лелуп. — Да она выше тебя на голову, эта крошка!

Как и все мужчины маленького роста, Туше терпеть не мог подобных замечаний и, непременно решив помериться с Лелупом своим достоинством, спустил штаны. Его примеру последовали и другие.

Анжель с мольбой в глазах глянула в угол, где стоял монах, чая хоть какой-то защиты, хоть слова, которое вразумило бы этих скотов, однако ужаснулась, заметив, что там никого нет. Монах втихомолку скрылся!

Не думая, не рассуждая, она бросилась было к двери, однако, преграждая ей путь, мимо просвистела пуля, едва не задевшая Анжель. Она пронзительно вскрикнула от страха.

Мужчины, стоявшие со спущенными штанами, на миг остолбенели, однако свист пуль не прекращался, так что солдаты вмиг пришли в себя и, кое-как прикрыв срам, бросились к своему оружию, сваленному в кучу.

— *Les cosaques!* Казаки! — кричали они.

* * *

Казаки! Те самые, над которыми когда-то, при своем наступлении, посмеивались французы, на которых когда-то, не считая их числа, весело ходили в атаку, ныне наводили ужас на всю наполеоновскую армию, и число их при содействии русских крестьян значительно увеличилось. Вот и теперь Лелуп, едва бросив взгляд в узкое окошко, закричал:

— Не казаки, а партизаны!

— Черт ли, дьявол — все одно! — отозвался Туше.

Ружья, как назло, оказались у всех незаряженными, и, пока французы высыпали порох в патроны, закладывали пули и пыжи, шомполом прочно забивали их, вворачивали в затравку пистоны, надевали на них колпачки — словом, пока проделывалась вся эта мучительная процедура, предшествующая выстрелу из ружья, нападающие успели ворваться в церковь.

Анжель смотрела на них как замороженная, однако не испытала страха. Большинство партизан были верхом на маленьких лошадках, в бараньих шубах и черных барашковых шапках. Вооружение их в основном составляли пики или просто колья с железными остриями на конце. Ружей имелось немного, зато в пистолетах недостатка не было, ибо стрельба со стороны нападавших не прекращалась, и, к тому времени как русские ворвались в церковь, четверо французов были убиты.

Раненый Туше покорно поднял руки; он смотрел на партизан с таким ужасом, словно это были мертвецы, восставшие из могил. Высокий казак походя полоснул по его шее саблей — Туше завалился на бок, захрипел.

Лелуп, которого держали трое, вдруг рванулся с такой силой, что русские посыпались в разные стороны. Француз кинулся к дверям и высадил одну из стволок могучим плечом... Русские бросились следом, но один из них, доселе стоявший в стороне, остановил их властным движением руки:

— Да пускай бежит. Далеко не уйдет, сдохнет в сугробе. Мы сюда за другим пришли, забыли?

Анжель вслушивалась в русские слова, с изумлением сообразив, что все понимает. Вот чудеса играет с нею память! Но еще большим потрясением было для нее то, что голос, эти слова произносивший, был женский.

Да эти казаки — женщины! Возможно ли?!

Она недоверчиво оглянулась и похолодела, встретив устремленный на нее взор, столь темный и недобрый, что Анжель ужаснулась. Ни на какое мягкосердечие надеяться не стоит: ведь одна из этих русских амазонок только что мимоходом перерезала горло Туше и вот теперь устремила взгляд убийцы на Анжель.

Русская медленно приближалась. Уже ясно было видно ее точеное лицо с высокими скулами, маленьким круглым и твердым подбородком, крепко стиснутыми яркими губами. Анжель уставилась в это злое и прекрасное лицо, в черные чуть раскосые глаза под сросшимися бровями, придававшими взору молодой женщины особенную, дикую страстность. И вот чудеса: Анжель почему-то ощутила, что русская ненавидит в ней не просто чужеземку из вражеского племени — русская ненавидела именно ее, Анжель!

— Варвара! Стой! — вырвал ее из оцепенения чей-то крик. — В своем ли ты уме? Да ведь это, наверное, она!

Анжель медленно повела глазами, словно еще не очнулась от некоего зачарованного сна, и увидела высокую и плотную женщину. Под клетчатый платком виднелись гладко причесанные русые с проседью волосы, ресницы бросали тень на смугло-румяные тугие щеки. Округлые брови были осуждающе нахмурены, а взгляд темно-серых глаз сурово устремлен на злую красавицу.

Варвара остановилась, но во всей ее осанке сквозило с трудом сдерживаемое непокорство.

— Да что ты, Марфа Тимофеевна! Да чтоб за такое отребье наш барин столько радел?

Она окинула Анжель долгим, цепким взглядом, и в этом взгляде были не только ненависть, но и нескрываемое презрение. Анжель словно бы увидела се-

бя со стороны: свалывшиеся, нечесанные волосы, одежда столь грязная, столь ужасная, что смахивала на маскарадный костюм. Право же, в ней даже нелегко распознать женщину! Отребье, так, кажется, назвала ее Варвара? Вот уж воистину!

— Да ты не бойся, — властно отстранив с дороги Варвару и мимоходом отобрав у нее саблю, сказала Марфа Тимофеевна пленнице тем неестественно громким голосом, каким взрослые иногда говорят с детьми. — Ты должна пойти с нами. Но не бойся — вреда тебе не будет. Понимаешь?

Анжель робко кивнула.

— Понимает! — обрадовалась Марфа Тимофеевна, оглядываясь на своих подруг, которые столпились вокруг и с жадностью внимали происходившему с такой гордостью, словно Анжель была ее воспитанницей. — Понимает, знать, по-нашему! А говорить умеешь? Говорить? — прокричала она по складам, тыча пальцами себе в рот и с надеждой вглядываясь в напряженное лицо Анжель, которая прикусила губу с досады, что хоть и понимает каждое слово чужой речи, но сама ни звука ее воспроизвести не может.

— Не глухая, да немая! — злорадно усмехнулась Варвара, вновь обжигая пленницу ненавидящим взглядом.

— Никшни! — замахнулась на нее Марфа Тимофеевна даже не сердито, а небрежно, будто на расшалившуюся кошку. — А ты, девонька, пойдём, пойдём со мною! — Она отступила к выходу, маня Анжель раскрытой ладонью, и та, нипочем не желая оставаться в окружении враждебно-молчаливых женщин, под прицелом ненавидящих Варвариных глаз покорно пошла за Марфой Тимофеевной из церкви и на дворе села в розвальни, полные хрустящего, благоуханного сена...

Сани тронулись; от резкого их движения Анжель невольно запрокинулась навзничь, но больше не сделала попытки подняться — так и лежала, безвольно глядя в сырое и серое, но уже бесснежное небо, нависшее над лесом, лежала, не в силах думать ни о чем-то, ни даже беспокоиться о будущем.

Глава 3

БАРСКИЕ ЗАБАВЫ

— Ох и закудлатилась ты! Колтун, ну чистый колтун! — в который уже раз с отчаянием воскликнула Марфа Тимофеевна, продираясь гребнем сквозь грязные комья, в которые превратились давно не чесанные волосы Анжель. Даже и смазанные маслом, они были труднопроходимы для частого гребня, и поэтому Марфа Тимофеевна беспрестанно ворчала, а из глаз Анжель неостановимо струились слезы.

Варвара, сидевшая поодаль, с отвращением смотрела на масляное месиво, облепившее голову Анжель, и медленно, старательно расплетала свою толстую — в руку толщиной! — и длинную — до самых подколенок! — косу, которой могла позавидовать любая женщина; но когда черный, цвета воронова крыла, темно-блестящий водопад закрыл ее фигуру, Анжель не ощутила зависти, ибо понимала: Варвара все делает напоказ, явно красуясь. «За что она меня так ненавидит?» — опять удивилась Анжель и грустно усмехнулась: этот вопрос она задает в последнее время слишком часто!

Наконец Марфа Тимофеевна со вздохом облегчения отложила гребень, в котором теперь не хватало нескольких зубьев, и велела Анжель следовать за

нею. Тут же поднялась и Варвара, которой, как поняла Анжель, была предназначена роль ее стража, и, хоть у нее не было никакого оружия, только сумасшедший рискнул бы бежать от такого стража: можно было не сомневаться, что и голыми руками эта амазонка справится даже и с мужчиною, не говоря уже об ослабевшей Анжель.

Они все были только в холщовых рубашках (лохмотья Анжель давно уже отправились в печку). Марфа Тимофеевна бестрепетно ступила из холодных сеней босыми ногами прямо на снег, на тропку, ведущую к приземистому бревенчатому строению, над которым поднимался дымок. Анжель в ужасе воззрилась на обледенелую тропку, даже попятилась, но тут Варвара, замыкавшая шествие, так пихнула ее вперед, что Анжель, заскользив, едва не сбила с ног Марфу Тимофеевну. Та оглянулась, мгновенно оценила происходящее и пропустила Анжель вперед, сурово погрозив Варваре маленьким, но увесистым своим кулачком. Та лишь хмыкнула в ответ, но больше не трогала Анжель.

Они прошли еще немного, и вот уже перед ними открылась низенькая дверка, из которой дохнуло обжигающей влагой. Баня!

Прошло немалое время, прежде чем Анжель выплыла из облака душистого пара и осознала, что полужелит на мокрой лавке и все тело у нее горит — избитое, исхлестанное веником, натертое мочалкою, примятое умелыми руками Марфы Тимофеевны; а волосы, аж скрипящие от чистоты, тщательно расчесанные, казались невесомыми. Да и все тело Анжель, чудилось, парит над этой лавкою, вовсе не касаясь ее.

— Жива, девонька? — вернула ее к жизни ласковая усмешка Марфы Тимофеевны, которая поднесла к ее губам деревянный жбан с квасом.

Анжель пила медленно, долгими тягучими глотками. Блаженная усталость клонила ее в сон, однако Марфа Тимофеевна властной рукой заставила подняться.

— Пошли отсюда, не то угоришь. — Она неопределенно покрутила пальцем над головой, но Анжель и так поняла, что имеется в виду; она понимала все больше русских слов, но произнести по-прежнему не могла ничего, за что Варвара пренебрежительно называла ее немкой, немотой и унималась, лишь когда Марфа Тимофеевна шикала на нее.

Анжель тяжело вздохнула, когда поняла, что Варвара не останется в бане, а тоже пойдет с ними.

— Ну что, окунем ее в сугроб? — спросила Варвара с недоброй усмешкою; заметив гневный огонек в глазах Марфы Тимофеевны, досадливо отмахнулась, распахнула дверцу предбанника, вдруг вырвалась из дверей и, как была, голая, распаренная, ринулась в сугробы, тяжелым белым сном спавшие вдоль узкой тропы.

Анжель вскрикнула. Ее затрясла неудержимая дрожь от одного лишь прикосновения седого морозного клуба, ворвавшегося в предбанник, а Варвара... да ведь она умрет сейчас, если не выберется из снега!

Варвара, однако, умирать явно не собиралась: снова вбежала в баню, захлопнув за собой дверь, и снег таял, чудилось, даже с шипением, на ее медно-красном, налитом теле. Она была словно выточена из некоего горячего камня, гладкая, сильная, поджарая, мускулистая — истинная амазонка! Рядом с ней Анжель ощущала себя какой-то рыхло-белой немочью, однако, заметив поджатые губы Варвары и ее недобро сверкающие глаза, вдруг поняла, что и та не сводит с нее глаз, разглядывает ее придирчиво ревниво, да и Марфа Тимофеевна, уже успевшая надеть чистую белую

рубашу, смотрела на них оценивающе, как бы не зная, кому отдать предпочтение, ибо эти две молодые женщины, такие разные, такие непохожие, в точности как день и ночь, как свет и тьма, были в то же время неуловимо схожи, являя собою редкостные образцы безупречной красоты.

— Что смотришь? — с трудом оторвав взгляд от Анжель, прошипела Варвара, и Марфа Тимофеевна не без ехидства засмеялась:

— Поглядел бы сейчас на вас барин, на двух таких... небось пожалел бы, что у него не два уда враз!

Варвара так и передернулась:

— Ништо! Мне и одного достанет!

— Ох, душа моя, — вздохнула Марфа Тимофеевна. — Ты все о своем!

— А что? — грозно надвинулась на нее Варвара. — Что ты думаешь, она ему в постель нужна? Зачем? Зачем, когда я... — Она осеклась.

— Вот-вот, — грустно кивнула Марфа Тимофеевна. — Ты-то да, а он что же?

В черных глазах Варвары закипели злые слезы, а голос сорвался на визг:

— Я не отдам его, не отдам этой девке, он мой!

— Поймай ветер в поле, — с непонятной печалью ответила Марфа Тимофеевна.

Варвара повесила голову и принялась надевать рубашу, больше не глядя на Анжель. Та же сидела на лавке, недоумевая — почему ей не дают одежды? Кинули только ряднушку¹ — вытирайся, мол.

— Готова? — спросила Марфа Тимофеевна у полуодетой Варвары, и та мрачно кивнула. Потом окинула соперницу взглядом, невольно застонав, когда глаза

---

¹ Ряднушка, рядом — грубый холст из пеньки (устар.).

ее задержались на круто завившихся золотистых локонах, падавших на плечи Анжель, — и вдруг вылетела из предбанника, так хлопнув дверью, что все вокруг заходило ходуном.

— Уезжай в деревню, Варька! — сердито крикнула вслед ей Марфа Тимофеевна. — Сей же день уезжай! Или за Пашку выходи, не то доведешь себя до беды!

Но Варвара ее, конечно, уже не слышала, а потому, огорченно покачав головою, Марфа Тимофеевна взяла Анжель за руку и втолкнула в какую-то дверь.

Молодая женщина оказалась в просторном круглом зале, который был выложен бревнами, как и вся прочая банька, но здесь бревна, имевшие светло-золотистый свет, лакированно блестели, и огоньки нескольких свечей, стоявших в светцах¹, играли и переливались, отражаясь в этих блестящих стенах, и в потолке, и в поверхности круглого водоема, выложенного камнем и занимавшего почти весь зал. Чудесное зрелище, кто мог ожидать такого в глуши лесной?

Над водой плыл тот же теплый, духмяный, травяной и березовый аромат, к которому Анжель уже привыкла, а потому она, изрядно озябнув и не найдя никакой одежды, торопливо соскользнула в теплую воду, решив согреться хоть здесь.

Она немножко поплавала, исследуя этот диковинный водоем, а потом, обнаружив, что дно его то понижается, то повышается, уселась на один из таких выступов, погрузившись по горло в теплую воду, а с головой — в свои тревожные мысли, которые доселе гнала от себя; да и не до размышлений ей тогда было.

Не помнившая другой жизни, мирного прошлого, Анжель, как всегда, жила среди тягот отступления,

---

¹ Светцы — подсвечники (*устар.*).

бегства, а потому чувствовала себя сейчас весьма неуверенно.

Все, что она успела узнать о русских за время скитаний с отступающей армией Наполеона, сводилось к одному слову — ужас. Они наводили ужас этой своей мстительностью, беспощадностью, внезапностью и яростью нападений. Анжель знала, что французы напали на Россию внезапно, что опустошили полстраны и уничтожили ее столицу, а потому понимала, что ей, француженке, не следует ждать добра от русских. Ну, накормили, ну, отмыли ее, а что же потом?

О каком барине вели речь Марфа Тимофеевна с Варварою? Надо полагать, что по его приказу Анжель оставили в живых и привезли сюда. Почему? Где он мог увидеть Анжель и прельститься ею? Нет, вряд ли такое возможно, ведь за время отступления она почти не видела русских — разве что казаков издали, да того монаха в разоренной церкви, да этих амазонок. И можно ли было даже издали прельститься невымытой бродяжкой?! А что, если этот русский барин просто коллекционирует француженок, велит доставлять к себе любую, какая попадет в плен к его крепостным партизанкам, которые, конечно, служат ему и на ложе страсти? Ну можно ли сомневаться, что Варвара — его наложница? Ведь она готова была на части разорвать ту, в которой заподозрила соперницу. Знать бы еще, что делает этот русский барин с пленницами, удовлетворив свою похоть? Может статься, Анжель найдет целый гарем своих соплеменниц (не секрет, что немало француженок сопровождало войска, днем скрашивая тяготы похода своим кулинарным искусством, а ночью — искусством любить, и не одна из них могла сделаться добычей русского барина!), помирающих от скуки в этом маленьком, но неожиданно роскошном охотничьем домике, скрытом в дремучих русских ле-

сах. А что, если барин подобно маркизу Синей Бороде убивает своих женщин? Впрочем, Варвара ведь вполне жива, да и вообще эта догадка не вызвала особого страха у Анжель: чем меньше нитей привязывает нас к жизни, тем менее ощутителен страх потери ее. А что привязывало к жизни Анжель?.. Еще менее взволновала ее мысль о том, что еще какой-то мужчина воспользуется ее телом. Наверное, он хорош. Вот ведь как взбеленилась Варвара от ревности! Наверное, он умеет разжечь женщину, ласки его горячи и смелы...

Невольно Анжель задыхалась чаще. Этот золотистый полусвет, это мягкое колыхание воды, непрестанно трогаящей, ласкающей ее тело, будто руки робкого, но ласкового любовника... Она лениво повела полужакрытыми глазами — и не поверила им, увидев и впрямь руки: одну на своей груди, другую на бедре.

* * *

...Немалое минуло время, прежде чем Анжель осознала, что не умерла от восторга, а еще жива и по-прежнему сидит в теплом водоеме, однако теперь уже не спиной к незнакомцу, а свернувшись у него на коленях, окруженная ласковым кольцом его рук, и вода уже не буйствовала греховно, а ласково колыхала Анжель, сливая чуть слышный, успокаивающий свой плеск с бесконечно нежным шепотом:

— Родная моя... радость моя... наконец-то я нашел тебя!

Он говорил по-русски, однако даже если бы Анжель не понимала слов, смысл их сделался бы понятен только по звукам этого счастливого голоса. Но лучше бы она не знала этих слов, ибо они ранили ее в самое сердце!

— Милая моя, сколько же я искал! Уже и надежду потерял. Думал, ты погибла, думал...

У него перехватило дыхание, и Анжель вдруг тоже ощутила, что задыхается, словно они сделались одним единым существом.

— Как же ты попала сюда? Зачем ушла, где скрывалась? Знала бы ты, сколько причинила бед! Княгиня занемогла, князь чуть с ума не сошел, когда твое письмо прочел. Но я верил, я верил, что найду тебя!

Анжель жадно глотнула воздуха.

О чем это он говорит? Кто ушел? Кого он искал? Какие князь и княгиня? Он сошел с ума, этот незнакомец, доставивший ей столько счастья, но лица которого она так и не видела!

Встрепенувшись, Анжель резко откинулась назад, чуть не соскользнув с его колен в воду, но была подхвачена проворными руками.

— Что с тобой? — Он улыбнулся.

Анжель ошеломленно смотрела на твердые, такие ласковые губы, на ямочку в середине подбородка, высокие скулы, серые глаза вприщур под разлетом светлых, выгоревших бровей.

Серые глаза вприщур... Не воспоминание, нет — какая-то далекая тень его прошла, пролетела, промелькнула, будто птица в вышине, не задев Анжель своим крылом.

Может быть, она видела его во сне, но наяву никогда.

Никогда!

— Кто вы, сударь?

— Почему ты так смотришь на меня?

Они прошептали это враз, она — по-французски, он — по-русски, но с равным испугом.

— Кто я? — Он пожал плечами. — Что с тобой? О чем ты говоришь? Ты не узнаешь меня?

Анжель затрясла головой:

— Месье, я не знаю вас!

Кровь бросилась ей в лицо при воспоминании о том, что случилось между ними несколько минут назад, а в его глазах мелькнула усмешка.

— Не знаешь?

— Месье, я... — Она смешалась, но все-таки с трудом выговорила: — Я не знала вас раньше!

Он смотрел пристально, недоверчиво, и ласковая улыбка еще играла на его губах.

— Зачем ты это говоришь? Что за игру ты ведешь со мной? Сейчас не время. Я искал тебя по всему фронту, и только чудом в этой церкви...

И тут Анжель узнала его и с облегчением воскликнула:

— О, я вспомнила, вспомнила! Ну конечно!

Это восклицание осветило его лицо, как солнце освещает весь Божий мир; он потянулся к Анжель, но замер при ее следующих словах:

— Я видела вас в той разрушенной церкви. Вы — монах, да?.. О, понимаю. Вы переоделись монахом, чтобы следить за отступающей армией? Вы — русский шпион?

Она сидела в его объятиях, оба они были голые и только что предавались безумной страсти, а все-таки он враг!

Анжель вдруг осознала, что именно он наслал на них полк своих баб-амазонок-партизанок, этих жестоких убийц и похитительниц, которые притащили ее сюда для его услаждения. Русский дикарь! Он забавлялся с нею, как с игрушкой, а теперь мутит ей душу какими-то бреднями. Зачем?

— О чем ты говоришь? — прохрипел он. — Да посмотри ты на меня! Да что же с тобой?!

Анжель рванулась с его колен и встала на скользкое дно водоема. Чего бы он ни хотел от нее, она не могла ему этого дать!

— Простите меня, месье, если я обманула ваши ожидания, — пробормотала она, вглядываясь в его глаза и пытаясь понять их выражение. — Отпустите меня! Позвольте мне уйти!

— Отпустить? — переспросил он таким голосом, что Анжель пробрала дрожь.

О нет, она вовсе не хотела уходить, она желала бы остаться, чтобы снова очутиться в его объятиях, однако невыносимо же осознавать: он принимал ее за другую, приказал другую привести к себе, целовал другую, извергал свой пыл в другое лоно... и Анжель ему никто. Ошибка. Приятная ошибка, да, но тем скорее об этом надо забыть.

— Отпустить, говоришь? — Он внезапно перешел на французский: — Как ваше имя?

— Анжель д'Армонти.

Лицо его дрогнуло.

— Анжель?.. Ангелина?!

Она пожала плечами:

— Анжель д'Армонти.

— С кем вы путешествовали?

— С мужем и его матерью.

— С мужем? О Господи! Среди тех людей, с которыми я вас видел, был ваш муж?!

Анжель отвела глаза, вспомнив, свидетелем чего он мог быть. Да уж, неудивительно, что он владел ею, даже не считая нужным показаться на глаза! После того, что слышал и видел, кем он еще мог счесть ее, как не бродячей шлюхой?

— Нет, — глухо ответила она. — Муж мой давно погиб.

Давно!.. Какую-то неделю назад, а кажется — жизнь с тех пор прошла.

— А эти люди? — допытывался он.

И ей вдруг захотелось причинить ему боль. Не звать жалость и сочувствие, что непременно произошло бы, расскажи она о том, как досталась Лелупу, а вонзить в него нож отращения к себе!

— Это мои любовники, — бросила она небрежно. — Я им плачу за то, что они кормят меня, охраняют, помогают добраться домой.

— Где ваш дом?

— В Париже, — соврала Анжель, не моргнув глазом.

И тут в голосе его вновь зазвучала отчаянная надежда:

— Где вы жили в России?

Анжель замаялась. Зачем ему знать?

— Где вы жили в России? Говорите, ну! Да я сам скажу!

— В Москве! — выпалила Анжель, повинувшись непонятному чувству противоречия, вдруг овладевшему ею.

Ей уже нечего было терять в этой жизни, она и так потеряла все, сделалась животным, покорно лижущим всякую руку: кормящую, бьющую, ласкающую — всякую! Фабьен и его мать, Лелуп и Туше, Варвара и этот изощренный любитель наслаждений — кто угодно были властны над нею, кто угодно мог распорядиться ее судьбой. Но все! Больше этого не будет! Она будет делать отныне только то, что захочет. И если не захочет знать, за кого принимает ее этот человек, кто он таков сам, кого так отчаянно ищет среди боев и смертей, то и не узнает.

Неведомое доселе чувство собственного достоинства вдруг пробудилось в ней и, опьянив, окрылило. Теперь она знала, что предпочла бы замерзнуть в сугробе, чем быть проданной Лелупу. Но если вдруг ей

еще раз придется отдаться мужчине или даже продать-ся ему, то это произойдет лишь по ее воле! Все, никаких больше господ над нею. Никто не посмеет распоряжаться ее судьбой!

Она рванулась, рассекая воду, к ступенькам и вскарабкалась по ним прежде, чем незнакомец успел схватить ее и задержать. Но отяжелевшее на воздухе тело сделалось непослушным, движения ее замедлились, так что он тут же оказался рядом и схватил ее за руку.

— Куда вы идете?

— Отдайте мою одежду, — буркнула Анжель, ожесточенно выдергивая руку из его пальцев. — И оставьте меня в покое! Все. Навсегда.

— Кругом лес, снега... — сказал он с мягкой улыбкой, выпуская руки Анжель. — Вам не выйти на дорогу.

— Пусть это вас более не заботит! — Анжель рванулась так яростно, что чуть не упала, поскользнувшись на мокром полу, но русский успел подхватить ее, так что Анжель невольно прижалась к нему всем телом... и этого мгновения было довольно, чтобы он опять набросился на нее.

Казалось, это длится бесконечно, и Анжель хотела, чтобы это длилось бесконечно.

Глава 4

КАЗНЬ ПОД ЯБЛОНЯМИ

— Все петухи давно отпели, — слышался на-смешливый голос, и Анжель почудилось, будто она разглядела путеводную тропку в темной, непролазной мути, в которой пребывала бесконечно долгое время и которая звалась сном. А уже совсем под утро при-

виделся Анжель и вовсе невыносимый кошмар. Якобы стоит она у какой-то балюстрады, держась за нее обеими руками, и вдруг ощущает прикосновение двух холодных, мертвых рук!

Анжель вскинулась и некоторое время невидяще смотрела на круглое, красивое, улыбчивое лицо молодой женщины, прежде чем с трудом осознала, кто перед ней, кто сама она и где находится. Когда обессиленный русский принес свою случайную возлюбленную в постель, она окунулась в такой глубокий сон, что теперь ощущала свое тело неким подобием деревяшки, ибо так и проспала всю ночь, ни разу не шелохнувшись, на одном боку.

— Вот-вот, — хихикнула прелукавая Марфа Тимофеевна, — вот и он таков же: болен, мол, истинно чуть дышу, от усталости духа и тела моего! Девоч-то перепортил он на своем веку столько, что и не сочтешь, баб тоже не обижал, а что поутих последнее время — так ведь война! По краешку смерти хаживает мое милое дитячко... — Она тихонько всхлипнула, продолжая сновисто обряжать Анжель в тонкое батистовое белье.

— *Votre enfant?!¹* — переспросила Анжель по-французски, однако Марфа Тимофеевна сразу поняла чужую речь.

— Хоть и не роженое, а мое родное дитячко. Не мать я ему, зато мамка, мамушка. Он мой выкормыш. Я ребягница² была, когда мой сыночек от глотошной³ преставился, ну а мужика лесиной придавило.

Марфа Тимофеевна быстро перекрестилась и вновь взялась за одевание Анжель. А та не знала, чему более

---

¹ Ваше дитя?! (*франц.*)

² Ребягница — женщина с грудным ребенком (*простореч.*).

³ Глотошная — народное название дифтерии.

удивляться: изысканности белья и редкостной красоте темно-синего бархатного платья и меховых полусапожек из тонкой кожи, в которые обряжала ее Марфа Тимофеевна, или той истовой нежности, которая звучала в ее голосе, когда она рассказывала о своем барине, чье распутство было для нее не более чем милой шалостью ненаглядного дитяти.

— Помер, говорю, мой сыночек, а княгиня об том прознала. Это не здесь было, а в имении княжьем родовом, на Орловщине: здесь просто так, угодя их охотничьи. Барыня наша была женщина жалостливая, сама только что родила и понимала, что княгине ребя, что кошке котя — то же дитя. Вот она и взяла меня в кормилицы, чтоб тоску мою утишить. Да и молоко у нее было жидкое, слабое, княжич маленький день и ночь плакал, криком кричал, а я бабенка крепкая, грудастая была, что буренка, выкормила моего ненаглядного Никитушку! — Она вдруг осеклась, прихлопнула рот ладонью: — Ох, что ж я рот раззявила, болтушка неболтанная! Князь молодой мне ведь не велел имя свое выказывать — пусть, мол, она сама меня узнает и вспомнит!

Анжель так вздрогнула, что Марфа Тимофеевна от неожиданности выронила ее недоплетенную косу, и темно-золотистый, тяжелый жгут больно ударил Анжель по спине.

Вчерашнее наваждение начиналось снова!

— Да успокойся ты! — еле утихомирила ее Марфа Тимофеевна, жалостливо разглядывая Анжель в зеркале. — Ишь, побелела: лица на тебе нет! Забудь, что слышала, я просто невзначай обмолвилась. Это ваши с барином дела — вы с ним сами и объясняйтесь!

И, не обронив более ни единого слова, она закончила причесывать Анжель и сопроводила ее в маленькую столовую, где уже сидел в одиночестве барин.

* * *

При виде его она замерла, словно ноги к полу приросли, а он вскочил с такой стремительностью, будто готов был, перескочив через стол, броситься к Анжель, однако суровый взгляд Марфы Тимофеевны пригвоздил его к месту, заставил пробормотать сдавленным голосом какие-то общие слова о погоде и самочувствии и снова сесть, уставившись в свою тарелку.

Кушанья были хоть куда! Прислуживал молодой статный лакей, русобородый, пригожий — хоть картину с него пиши! Анжель охотно отдала должное всякому блюду, поражаясь более чем обильному завтраку, однако, бросив невзначай взгляд в окно, увидела, что солнце уже в зените. Похоже, они с русским баринном вынуждены были совместить завтрак с обедом... и снова краска смущения залила щеки Анжель при воспоминании о том, почему это произошло.

— Приношу вам свои извинения, мадам, — проговорил в это время молодой князь глуховатым голосом, не отрывая взора от серебряного ножа с витой тяжелой рукояткой, которую он сгибал и разгибал с такой небрежностью, будто это была ивовая веточка. — Видите ли, я принял вас за одну свою давнюю знакомую... более чем знакомую! Сказать по правде, было время, когда сердце мое принадлежало ей всецело. Отечество, вера, государь и она, моя любимая, — вот все, для чего я жить желал. Казалось, и она от меня без ума, а на самом деле безбожно обманывала меня для одного вертопраха, чье имя более напоминало прозвище обезьяны. С ним она и сбежала впоследствии. Жаль, что я не успел для нее застрелиться! — усмехнулся он, и Анжель едва сдержала готовый вырваться возглас: «Какая она дура!»

Она с трудом отводила глаза от молодого князя. Хотелось, забыв о приличиях, смотреть и смотреть на это худое, нервное, четко очерченное лицо со светлыми бровями вразлет под высоким лбом, смотреть в прищуренные серые глаза с такими длинными, круто загнутыми светлыми ресницами... и эти твердые не улыбочивые губы... ах, как целуют эти губы! А по первому его зову, по первому знаку хотелось броситься в его объятия, и уже навсегда. Но он не делал этого знака, он не звал ее более — напротив, говорил и говорил о том, как сожалеет, как виноват, как жаждет прощения, каждым своим словом воздвигая между собою и Анжель новые и новые неприступные преграды.

Сердце защемило от обиды. Неужели она ему уже надоела?! И проговорила высокомерно:

— Когда извинения ваши вполне искренни, милостивый государь, я полагаю, вы не откажетесь помочь мне вернуться туда же, откуда ваши прислужницы меня вчера похитили?

Марфа Тимофеевна тихонько ахнула, прихлопнув рот ладонью; барин, заметно вздрогнув, уставился на Анжель испытующе:

— Зачем вам это? Наши дрались славно в сем деле, и хоть у нас были раненые и убитые, но у нашего злодея несравнимо больше. Там более нет никого и ничего, кроме печальных для вас воспоминаний.

— А это, — заносчиво вскинула голову Анжель, — уж моя печаль, и не вам утешать ее. Мое место — рядом с моими соотечественниками.

— Сыскать ваших соотечественников будет сейчас затруднительно, — отвечал князь со всею серьезностью, и только столь напряженные взор и слух, как у Анжель, могли различить в его чертах и голосе презрительную усмешку. — Русский Бог велик, говорили мы не один раз, но никогда не видели такое его мо-

гущество. Победитель мира Наполеон Бонапарт бежит, потеряв все! Скоро над ним и куры будут смеяться... ежели беглые французы не всех приедят! Больно только русскому сердцу, что неприятель занял Москву, привел ее в ужасное положение. Все осквернено шайкою варваров. Вот плоды просвещения или, лучше сказать, разврата остроумнейшего народа, который гордился именами Генриха и Людовика. — Он гневно ударил по столу кулаком. — Однако Бог благословит предприятие наше. Если он защищает сторону правую, то нам будет помощником. Злодей из Москвы идет не по розам, а по трупам. Умен был Сегюр¹, говоривший, что русская осень сгубит Наполеона. Он тогда еще не знал, что такое русская зима! Дело еще не кончилось, но, кажется, Бог не совсем оставил Россию, и если вы видели спаленную Москву, то мы увидим развалины Парижа!

Он в запале осушил добрую кружку какого-то русского зелья, которое Анжель было достаточно понимать, чтобы понять: один глоток — и она не сможет встать со стула. А этот... дикарь, дикарь! Она измучилась от желания оказаться в его объятиях, почувствовать его губы и руки на своем теле, а он, словно и не видит ничего, ударился в рассуждения!

— Ну, если кто и побывает в Париже, то никак не вы, — съехидничала Анжель. — Вы, верно, и туда своих амазонок пошлете убивать ужасных французов, а сами... а сами... — Она поискала в своем арсенале наиболее остро отточенный кинжал и вонзила его с невинною улыбкою: — А сами будете учить плавать своих крепостных девок.

---

¹ Имеется в виду Филипп-Поль де Сегюр — французский бригадный генерал, входивший в окружение императора Наполеона.

Князь озадаченно свел брови.

— О чем это вы, сударыня?

— О чем?! — снова взвилась от ревности Анжель, явственно вообразив его в том волнистом водоеме с Варварой или еще какой-нибудь красавицей. — Даже если и сражаются русские доблестно, то вы ведь тут ни при чем. Вы кровь свою не льете. Отсиживаетесь в тихой, безопасной глуши. Решительно чудом спасся этот милый уголок — логово трусливого и похотливого русского медведя!

Он вскочил, с грохотом отшвырнув стул, с ненавистью глядя на Анжель, сжимая в руках изувеченный нож, словно готовясь запечатать им оскорбившие его уста.

Марфа Тимофеевна тоже вскочила и умоляюще простерла руки:

— Голубчик, охлонись! Родненький, помилосердствуй! Она в сердцах, она не со зла!

— Со зла! — запальчиво выкрикнула Анжель, успев мимолетно изумиться: оказывается, дворня этого барина изрядно знает по-французски. — Со зла!

— Ах, та-ак? — прошипел барин. — После всего, что между нами было, вы ощущаете ко мне только ненависть? А я думал... я полагал... — Он запнулся, и Анжель бросило в жар при мысли, что он сейчас припомнит ей иступленные крики, бесстыдные ласки, самозабвенный пыл, но он только по-мальчишески насупился и бросил сурово: — Коли так, говорить более не о чем. Ты, мамушка, снаряди барыню, посади ее в кошеву и самолично отвези...

Он не договорил, прислушался к чему-то, бросился к окну, рванул створки — и вместе с клубами морозного воздуха в столовую ворвались резкие звуки выстрелов.

* * *

— Барин, беда! — распахнул дверь какой-то тошенький мужичонка с вылупленными, белыми от ужаса глазами. — Француз напер со всех сторон! Я шел со скотных дворов через огороды, вдруг услышал топот и лалаканье. Я туда-сюда — смерть перед глазами! В грядках скрылся и лежал часа два, покуда они не прошли, а потом сюда кинулся.

«Часа два лежал?! Чего же ты, пакость, крика не поднял, чего ж ты жизнь свою жалкую спасал, а не барина предупреждал? Теперь-то ведь уж поздно!» — едва не выкрикнула возмущенная Анжель, но ее опередил отчаянный вскрик Марфы Тимофеевны:

— Со скотных дворов огородами?! Французы? Но там ведь тайные тропы, тех, кто их знает, — раз-два и обчелся! Не померещилось тебе, Лукашка?!

— Ну вот, нашла время обиду чинить! — рассердился мужичок. — Что я, порченный, чтоб мне всякие страхи мерещились?

— Да ведь только малодушные следуют пословице: у страха глаза велики, — усмехнулся князь. — А Лука наш — ого-го! Аника-воин! Удалец! Так ли?

Лукашка застенчиво повел плечом:

— Удалец не удалец, Аника или Еруслан Лазаревич — это уж как скажете, барин, на то ваша воля господская, хоть я и запоздал с упреждением, а все ж таки к ворогу в ножки не кинулся, как Пашка, с криком-жалобой: мол, поджигатель наш барин и шпион!

Князь и Марфа Тимофеевна молниеносно переглянулись, а потом барская мамка крепко зажмурилась и тяжело оперлась о стол.

— Продал, продал он дьяволу свою черную душу!

— Да, — медленно проговорил молодой князь, — такого я не ждал от Павла. Сразу понял, что кто-то

свой продал, иначе не выйти бы французу на наши охотничьи тропы. Но чтобы Павел!..

— Да что вы болтаете! — не выдержала Анжель. — Если подошли враги, нужно уходить!

— Она права, права! — попыталась совладать с собой Марфа Тимофеевна. — Ведь если попадешься им — не помилуют!

— Пока я нужен хоть кому-то на свете, я не решусь умереть, — светло взглянул на нее князь. — Беги, оденься потеплее, мамушка. И для барыни прихвати шубку да шальку. А ты, Лукашка, готовь саночки легкие, бегом!

Дворовые послушно кинулись в двери, а князь обернулся к Анжель:

— Со мной пойдете?

Анжель заломила руки.

— Да вы что? Подходят мои соотечественники, а вы желаете, чтобы я... Поймите: у меня своя жизнь, я не та, кого вы любите.

— Говорят: «Стоит русскому пожелать, и город взлетит на воздух!» Верно, это легче, чем понять вас, хотя сего я желаю всем сердцем и умом.

Анжель чувствовала, что ежесекундно готова заплакать от того, что он говорил, от самого звука его голоса.

— Уж и не знаю, кто вы и что у вас на сердце, однако же вы прочно усвоили набор расхожих истин, которыми сейчас тычете мне в глаза. Ежели вы француженка, то и должны быть с французами! Глупость какая! Чего ради? Ради голода, холода, мучений, безвестной жалкой кончины в дебрях российских? Ради насилия, оскорбления от таких же ничтожеств, которые делали на вас ставки в церкви? А, черт... — Он осекся и резко отвернулся к окну, откуда по-прежнему доносились выстрелы.

Анжель покачала головой. Ну и дела... Когда князь смотрит на нее, она вся тает, горит, едва справляется с собой, чтобы не липнуть к его рукам, словно податливый воск. И только злость ей помощница. Все силы душевные направила она сейчас, чтобы взлелеять эту злость в себе, чтобы вспомнить: сей князь ходит шпионить в полки французов, а потом отсиживается в этом заповедном уголке. В это же время, сообразуясь с его сведениями, казаки и партизаны налетают на измученных, оголодавших отступающих, налетают внезапно и свирепо. Сообразуясь с его сведениями, русская артиллерия обрушивает на этих несчастных беспощадный огненный град. Она вспомнила, как умолял о смерти Фабьен, — и только и могла, что тихонько вздохнуть от боли в сердце. На руках у этого человека столько крови, и он вчера обнимал ее этими руками! Теперь и она вся в той крови.

Анжель вдруг осознала, что он стоит напротив, что-то быстро говорит, а в глазах такая тревога, такая нежность.

— Я сын своего отечества, — наконец дошли до ее слуха его слова, — а потому жизнь моя и силы ему принадлежат. Не судите...

— Вы, кажется, только что упрекали меня в употреблении расхожих истин? — ядовито перебила Анжель. — А что же я слышу от вас? И позвольте добавить еще одну истину, которая вам не по сердцу придется, ибо такого вы от женщины слышать не привыкли: я вас видеть больше не желаю, и коли вы человек чести, ежели шпион может быть человеком чести, — подлила она яду до краев, — то умоляю отпустить меня к соотечественникам. Клянусь, что ни слова не скажу про ваше ремесло. Вам же лучше бежать, пока еще есть время. А не отпустите меня — я и сама уйду.

— Это мы еще посмотрим! — выкрикнул князь, хватая ее за руку и рывком привлекая к себе. — Уйдешь? Сама от меня уйдешь?! Да ты можешь напридумывать все что угодно, ты можешь выдерживать эту непонятную роль, поддаваться этому пагубному заблуждению, но разве тело твое забудет меня? Разве сердце твое будет лгать?

Он не договорил, припав к губам Анжель, и та едва не потеряла сознание. Какие-то синие звезды кружились перед ее глазами, она слышала плеск волн, ее опаляло солнце, где-то заливались жаркими трелями кузнечики, а ноздри трепетали от запаха цветущей смородины. Эти призрачные ощущения делались с каждым мгновением все острее, все отчетливее, теперь Анжель уже не сомневалась, что когда-то испытала их наяву и князь молодой был связан с ними неразрывно. «Неужели вправду мы знали друг друга прежде?»

— Господи помилуй! — Чей-то внезапный крик нарушил очарование, и князь выпустил Анжель так внезапно, что она рухнула в кресло, оказавшееся весьма кстати рядом, не то упала бы прямо на пол!

— Беда на пороге, а они?! — возопил голосом Марфы Тимофеевны ворох шуб и платков, чудилось, сам вбежавший в комнату, а потом ворох сей был брошен на Анжель, и князева мамка принялась одевать ее с невероятной быстротой, яростно ворча: — Охальник! Потаскун! А ну, одевайся, не медли!

Анжель безвольно, будто кукла, подчинилась ее сильным рукам, а князь, усмехнувшись, проговорил:

— Проворному недолго снаряжаться! — накинул на себя бекешу и, быстро склонившись над женщиной, сгреб их обеих двумя руками, крепко прижал к себе, осыпал быстрыми, жаркими поцелуями: — Вы — все, что мне в жизни дорого. Сбереги ее, мамушка,

и себя сбереги, что бы ни было. Ежели Бог не совсем еще нас оставил, может быть, эта мрачная туча пронесется мимо. Прощайте — и храни вас Бог!

Еще раз крепко поцеловав Анжель и Марфу Тимофеевну, он кинулся к двери... но тотчас отошел медленными, тяжелыми шагами на середину комнаты. Прямо в грудь ему упирался штык, примкнутый к рубью, которое крепко сжимал в руках французский солдат. Глаза незваного гостя горели таким торжеством, и он был так упоен удачею, что даже не заметил двух женщин, сжавшихся в углу, и тем более не заметил, как Марфа Тимофеевна, прижав к себе Анжель, бесшумно скользнула в щель между двумя тяжелыми бархатными шторами. Женщины оказались в пыльном, синем полумраке.

* * *

— Бежим! — шепотом приказала Марфа Тимофеевна и, прошмыгнув в какую-то дверь, понеслась по длинному коридору.

Анжель послушно бежала следом, недоумевая — почему верная мамка оставила своего князя на произвол судьбы, а не кинулась ему на подмогу? Впрочем, что ж тут удивительного? Приказ был дан: спасаться, а Марфа Тимофеевна, при всей ее воркотне, не из тех, кто выходит из барской воли. Но сколько же можно бежать? Не иначе, этот бесконечный коридор опоясывает весь дом! Не по кругу ли они бегут? Анжель стало невыносимо жарко в лисьей шубе и пуховом платке, и в этот миг Марфа Тимофеевна остановилась и, осторожно приотворив какую-то дверь, заглянула в комнату.

— Никого! — шепнула она с облегчением, и женщины, крадучись, вошли, как поняла Анжель, в бар-

скую библиотеку, ибо все стены были уставлены тяжелыми шкапами с книгами, да и кругом лежали раскрытые книги, и сердце Анжель вдруг сжалось от тоски: как давно она не держала в руках книг, даже не вспоминала о них, а ведь, по всей видимости, они занимали немалое место в той, забытой ее жизни! Марфа Тимофеевна пыталась отворить окно, через которое, как видно, хотела бежать, но вдруг ахнула и отпрянула за портьеру, знаком велев Анжель сделать то же самое.

Вытянув шею, Анжель все-таки ухитрилась глянуть в окошко... Да, бежать было уже поздно: французы окружили дом.

Теперь оставалось только смотреть, как схватились солдаты с десятком, не более, крестьян, составлявших, очевидно, всю немногочисленную прислугу и защиту охотничьего домика и вооруженных кто чем.

Французам было нечего терять, и они дрались как хищные звери, тесня растерявшихся мужиков, которые один за другим падали на снег, и каждая новая жертва исторгала новый стон из груди Марфы Тимофеевны. Это ведь для Анжель они были просто люди, просто русские крестьяне, а княжья мамка всех знала сызмальства, их жизнь протекала на ее глазах... Но вот и Анжель увидела знакомого: это был Лука, который и раненый, простертый на земле, отбивался от француза, не давая снять со своих ног валенки. Разъярясь, солдат рубанул ему руку саблей, чтоб не мешал. Издав пронзительный крик, Лука воздел кровавую культу к небу, потом ткнул ею в солдата — и отдал Богу душу. Солдат сего даже не заметил: он стаскивал с еще вздрагивающих ног вожделенную обувь. Однако проклятие Луки не замедлило его настигнуть: шелкнул выстрел — и француз ткнулся в снег рядом со своей жертвою.